

Качество: отвага

НАВСЕГДА

Елена Дубровская

Я пережил газовые атаки, взрывы, голод, смерть товарищей. Я видел защитников подземной крепости, видел, как спокойны и выдержаны они, как несут солдаты свою службу в подземелье, как выходят ночью на смерть, как улыбаются, как падают от голода и жажды. Мне говорили, надо держаться, надо выжить. Тётя Ефросинья вслед за солдатами выходила на поверхность, и пока длился бой, собирала траву на холмах, чтобы мы ели её. Я четыре месяца не был на воздухе и не видел солнца. Мне было 11 лет, когда я попал в Центральные каменоломни, здесь от голода умерла моя мама и две сестры – Роза и Оля. Когда в катакомбы спустились фашисты, я сумел спрятаться, сжавшись в комочек. А когда они ушли, я остался один на один с холодом, голодом, мраком, мертвецами...

Так я остался жив»

КЕРЧЬ, 2021 год

Звонок в дверь застал Анну Борисовну, когда она заканчивала печь блины. Архитектурное сооружение в виде блинной башни накренилось и было поймано счастливыми Андреем и Юрой. В это летнее воскресное утро отец и его сын решили поехать на рыбалку. Жить в Керчи и не ходить на рыбалку – сущая глупость. Как говорят в Крыму: «Хочется рыбки? Вам в Керчь!» Всё снаряжение уже ожидало рыбаков у порога, оставалось только куда-нибудь складировать блины, но тут этот звонок...

Так как семья Рединых точно никого не ждала, все побежали открывать, не скрывая весёлого любопытства. Перед ними стояла женщина лет шестидесяти, явно иностранка, а рядом русский молодой парень с виноватым выражением лица, мол, простите, что потревожили так рано, да ещё в воскресенье. Всё, что случилось дальше, было настолько для всех неожиданно, что трудно передать и мысли, и чувства.

Женщина молча смотрела на Анну Борисовну, словно хотела запомнить навсегда её лицо, хотела оставить его в памяти. А потом, дрожа всем телом, стала медленно опускаться на колени. Нескончаемые ручьи слёз заливали её лицо. Наконец она заговорила. На немецком. Парень, напряженно смотревший на пожилую женщину, стоящую на коленях, вдруг вздрогнул и стал переводить.

– Мой отец был снайпером. Он убивал каждого, кто выходил из катакомб за водой.

Я каждый день молюсь за 15 тысяч погибших душ в Аджимушкайских каменоломнях.

Она рыдала, но продолжала говорить. Говорила быстро, сбивчиво, что переводчику, ошеломленному всем происходящим, было ещё сложнее понять слова пожилой немки.

– Я знаю, что ваш дедушка один из немногих, кто смог оттуда вырваться.

– Ему было 11 лет, – Анна Борисовна произнесла это еле слышно пересохшими губами.

– Я знаю, что опоздала. Но я искала его, чтобы покаяться за грехи моего отца – они чудовищны! Прошу вас, примите моё покаяние! Пожалуйста, простите нас всех! – голос переводчика дрожал, он явно сдерживал слёзы.

– Bitte verzeihen Sie uns allen! Bitte verzeihen Sie uns allen! Bitte verzeihen Sie uns allen!

Она говорила эти слова до тех пор, пока Анна не пришла в себя и не бросилась поднимать её с колен.

Женщину звали Моника, она приехала из немецкого города Штутгарт. Приехала найти хоть одного из 48 человек, выживших в каменоломнях, но опоздала. Последний, кто помнил ужасы Аджимушкай, недавно умер. Для Моника эта поездка была её покаянием, её молитвой, скорбью, раскаянием за грехи фашистов в Великую Отечественную войну.

Пока Анна и Моника смотрели старые фотографии, сидя на диване, Юру с папой отправили в гостиницу, чтобы привезти внуков Моника, а потом всем вместе поехать на кладбище к дедушке. Моника сказала, что её внучка очень хорошо знает русский язык и им больше не нужен переводчик.

Юра увидел её издали. У гостиницы стояли два подростка лет 14, но он видел только её. Если бывает на свете любовь с первого взгляда, то у Юрки она случилась сейчас. Девочка, которая безоговорочно завладела его сердцем, была года на три его старше, да ещё из Германии. Юрка понимал, что это безнадежный случай, но ничего не мог с собой поделать. Его взгляд был прикован к длинным цвета мокрого песка волосам, сверкающим на солнце огненными искорками, и ярко-синим глазам.

– Здравствуй! Бабушка звонила, что ты за нами приедешь. Я Хельга, а это Пауль, мой брат. Он не говорит по-русски.

Юрка думал, что и голос у неё чудесный, нежный и звонкий, как колокольчик. Впервые испытывая эти невероятные чувства, захлестнувшие его целиком, Юрка с трудом выговорил: «Я Юра. Пойдёмте, там мой папа нас в машине ждёт».

Гости из Германии приехали на десять дней и не собирались проводить время отдельно

от семьи Рединых. Поэтому Юрка мог каждый день свободно любоваться Хельгой, которая уже стала замечать его взгляды и явно смущалась, приводя этим Юрку в ещё больший восторг. Все дни были расписаны: в основном, это были посещение мемориального комплекса в Аджимушкае, встречи с родственниками погибших и слёзы. Юра смотрел на маму и тетю Монику и не понимал, откуда у них берется столько слёз.

За эти дни так сложилось, что взрослые и дети хоть и ездили везде вместе, всё же общались отдельно. И, на радость Юрке, он мог все дни проводить рядом с Хельгой. Но что действительно омрачало их поездки и встречи – это Пауль. Не надо было знать немецкий, чтобы понять, что он недоволен всем. Худой долговязый парень с треугольной свисающей чёлкой на один глаз всё время злился, грубил бабушке. Ненавистными глазами смотрел на Юрку и его родителей.

Однажды они поднимались на вершину горы Митридат, чтобы увидеть Обелиск Славы, установленный в память о непростой судьбе города и его отважных защитников. Анна Борисовна, задыхаясь от нескончаемых ступенек, продолжала рассказывать.

– Этот монумент был открыт в 1944 году. Вы понимаете, он был первым из всех памятников, посвящённых воинам Великой Отечественной войны. Мы тут в Крыму любим быть первыми, да Юра?

Хельга подошла к Юре.

– А почему твоя мама так сказала?

– Просто я родился 12 апреля. И меня назвали Юрой в честь Юрия Гагарина. Первого человека, полетевшего в космос.

Хельга, переводившая всё, что говорила Анна Борисовна, перевела и слова Юры. Тётя Моника заулыбалась, а Пауль издал неприятный смешок и что-то сказал Хельге.

– Что он сказал?

– Он сказал, что это странно. Вы жили на Украине, а тебя называли именем первого русского космонавта. Он историю знает по «Инстаграм» и «Тик-току». Не обращай внимания.

– Переведи ему это, – и Юрка быстро нашёл в телефоне фотографию надписи на памятнике Екатерине II в Симферополе: «Памятник возрождён в честь воссоединения Крыма с Россией в 2014 году навсегда».

Хельга перевела надпись своему брату, и тот сразу пошёл вперёд, обгоняя всех, словно убегая от них.

В субботу детей отпустили с папой Юрка поехать искупаться на самую северную точку полуострова – мыс Зюк. Но там разразилась очередная ссора между сестрой и братом. Хельга отсела подальше от всех и стала смотреть на море. Юрка не видел себя особенно смелым, да и в классе его считали тихоней. Только мама верила, что сын, названный в честь такого героя, ещё совершит свой подвиг. А он даже никогда в жизни не дрался. И вот сейчас ему понадобилось собрать все силы, чтобы подойти к Хельге и сесть рядом.

– Скажи, почему твой брат такой злой? Вы совсем не дружите?

– Мои родители в разводе. Его воспитывал отец, а меня – бабушка с мамой. Мама была против, чтобы Пауль ехал с нами, но он сказал, что обязательно поедет, чтобы доказать, что русские захватили Крым.

– Но он же видит, что это не правда.

– Видит. Поэтому ещё больше злится.

– Но, может быть, он сейчас познакомится с нами получше, подружится и поменяет своё мнение?

– Нет. Не поменяет. Он злой, маленький нацист.

– Как же тётя Моника?

– Это самая страшная боль для неё. Вся её жизнь превратилась в молитву и раскаяние. Я как могу её оберегаю.

Юра смотрел, как Пауль, рассматривая счастливых людей на пляже, смеющихся детей, плескавшихся в прозрачной воде, со всей силы сжимал в руке небольшой камень. Юра вдруг почувствовал, что обретает какую-то решимость, которой не было раньше.

– Можно я буду тебя защищать? – он смотрел далеко за горизонт, но все его чувства, мысли, слова были обращены к ней.

Хельга, молча и серьёзно, вдруг вся выпрямилась и заговорила твёрдо, с акцентом в каждом слове.

– Защити память своего дедушки. Обещай, что защитишь память всех, кто погиб за свободу этой земли. Не позволяй таким, как Пауль, осквернять всё, что для вас свято!

Юрка застыл на месте. Он больше не знал, как себя вести, что говорить, но он чётко понимал, что за эти несколько минут он стал старше. Его маленькое сердце впервые почувствовало ответственность. Они молча продолжали сидеть, пока папа не крикнул: «Юра! Хельга! Пойдёмте, нас ждут!», и ребята поднялись.

А ждал их удивительный человек – Семён Филиппович Кравченко. Он жил один в небольшом доме на самом берегу, может, поэтому в свои 87 лет, несмотря на одну нерабочую руку, он выглядел бодрым и счастливым. Или, может быть, дело, которому он посвятил последние двадцать лет, не отпускало его. Семён Филиппович создавал уникальную книгу «История Крыма в картинках».

Анна Борисовна и Моника уже стояли в мастерской художника, когда туда вошли Юра с папой и Хельга с Паулем. Вокруг был творческий беспорядок: разбросанные карандаши, рамы, тряпки в краске, а главное, картины, которые стояли повсюду. В основном это было море и небо.

Семён Филиппович надел очки, открыл шкаф и достал большой, нет, просто огромный альбом.

Перед ними лежало иллюстрированное изложение истории Крыма с древнейших времён до наших дней.

– Ко мне не часто гости заглядывают. А тем более из Германии. Вот, смотрите. Это моя жизнь. Здесь всё. Начинается с тех времён, как здесь жили племена скифов и тавров. Это территория полуострова уже вошла в состав русского Тмутараканского княжества, – Моника перелистывала альбом дрожащими руками, опасаясь повредить страницы. – А вот и знаменитое путешествие Екатерины II в Крым. Ну, молодёжь, в каком году?

Молодёжь молчала.

– У Вас каждый рисунок – произведение искусства. Вы уже оцифровали её в типографии? – Анна Борисовна попыталась перевести разговор.

– Собираюсь. Осталось 4 иллюстрации, и мой труд будет завершён. Ко мне уже приходили из издательства, из музея. Я попросил ещё немного подождать.

– Здесь есть про Аджимушкайские каменоломни?

Семён Филиппович тяжело вздохнул:

– Есть. И деда вашего я хорошо знал. Как подумаю, что их стойкость и мужество могут забыть или не знать... Ко мне тут на экскурсию ребят привозили из Москвы, они про Аджимушкай и не слышали ничего. Вот трагедия. На чём тогда им воспитываться? Вот и рисую помаленьку, пусть хоть по картинкам историю знают.

Моника смотрела на рисунки старого художника и резко отвернулась, чтобы слёзы не залили иллюстрации. Она подняла глаза на Семёна Филипповича, взяла его единственную

здоровую руку и поцеловала.

Юра, после разговора с Хельгой, глядя на происходящее, ощущал ком в горле. Такой ком у него бывал, когда он неправильно поступал и ему было стыдно. Почему же этот ком появился сейчас, когда он не был ни в чём виноват, а труд Семёна Филипповича воспринял как истинный подвиг?

Выйдя из мастерской, все решили пойти в комнату пить чай. Стали доставать всякие вкусности, которые принесли с собой. Моника Семёну Филипповичу дарила разные механические подарки для упрощения быта, при этом подробно объясняла, что это и зачем. Атмосфера разрядилась, тем более что Пауль после мастерской пошёл пройтись по берегу. И всё было хорошо, даже слышался смех, который за последние десять дней был очень редким гостем. Но тут Хельга, которая пошла в мастерскую за очками, которые Семён Филиппович там забыл, закричала. Все резко вскочили и побежали в мастерскую. Шкаф, в котором был альбом, зиял пугающей пустотой. И тут раздался душераздирающий крик Моника, которая от волнения стала оседать, и упала бы, если бы не папа Юры.

– Пауль!!!

Хельга и Юра кинулись на улицу и побежали на залив. Они каким-то шестым чувством знали, что он задумал сделать. Семён Филиппович, как и Моника, медленно опустился на стул, беспомощно разводил единственной рукой и хватался ей же за сердце. Он открывал рот, но не мог произнести ни звука. Родители Юры не могли оставить двух пожилых людей в состоянии шока и стали вызывать скорую помощь.

Ребята бежали по берегу. Они уже издали видели небольшой костёр, который разрастался на глазах. Оставалось метров сто, когда они увидели, что Пауль бросает в огонь. Как тогда, 85 лет назад в Германии запыхали костры из книг, так и сейчас этот мальчик пытался уничтожить неуютную историю. Хельга бежала, падала и истошно кричала.

– Nein. Tu das nicht!!! Paul! Tu das nicht!!!

Юрка подбежал первым к костру, в котором лежал горящий альбом. Только на секунду у него мелькнула мысль: «Будет больно». И он голыми руками схватился за горящую книгу и выбросил её на песок. Рубашка загорелась, тогда Юрка упал на землю, засовывая горящие руки в мокрый песок, а рядом так же прямо и недвижимо стоял Пауль, у которого по щекам текли слёзы.

Хельга подбежала и со всей силы ударила брата в грудь, он пошатнулся и словно пришёл в себя. Она подняла книгу, многие страницы были обгоревшими, но многое можно было

восстановить. Не выпуская её из рук, она подошла к Юрке и стала его аккуратно поднимать.

Они шли обратно, за ними плёлся виноватый, испуганный Пауль, а навстречу уже бежали родители Юры.

Через два дня прощались там же, на мысе Зюк. Родители и Моника с Паулем стояли у машины и ждали их. Хельга дотронулась до его перевязанных рук.

– Тебя правильно назвали Юрой. Спасибо!

– Ты ещё когда-нибудь приедешь? Мы увидимся?

– Мы теперь никогда не расстанемся, устанешь от моих писем и фотографий. Ты для меня герой, навсегда! – и она поцеловала его в щёку.

Такси скрылось за поворотом, а Юра с родителями так и стояли, глядя туда, за поворот, словно всматриваясь в будущее. И каждый из них понимал, что они больше не смогут жить как раньше. Они стали другими.